РАЗДЕЛ II ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 323

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-81-90

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ: ПРОБЛЕМА КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ВЛАСТНЫХ ЭЛИТ

Подвигин Е.А.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу зарубежных элитологических подходов. Показано, что, с одной стороны, подходы к изучению элит не противоречат, а, наоборот, органично дополняют друг друга. С другой стороны, часть подходов, возникнув на фоне критики к предшествующим теориям, всё равно сохранили с ними определённую преемственность. Автор приходит к выводу, что использование концептуального наследия разных элитологических подходов не противоречит составлению на их основе единого перечня критериев оценки деятельности государственно-властных элит.

Ключевые слова: государственно-властная элита, элитология, сравнительный метод, оценка деятельности.

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN ELITOLOGICAL APPROACHES: THE PROBLEM OF EVALUATION CRITERIA STATE-POWER ELITE

E. Podvigin

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of foreign elitological approaches. It is shown that, on the one hand, approaches to the study of elites do not contradict, but, on the contrary, organically supplement each other. On the other hand, part of the approaches, emerging against the background of criticism of previous theories, still retain certain continuity. The author comes to the conclusion that the use of conceptual heritage of various elitological approaches does not contradict the drawing up on their basis of a single list of criteria for assessing the activities of state-power elites.

Key words: state-power elite, elitology, comparative method, efficiency assessment.

© Подвигин Е.А., 2018.

Проблемное поле

Портрет современной элиты во многом определяется набором довольно специфических составляющих генезиса данной группы: культурно-ценностных, социально-экономических, политических, образовательно-кадровых, психологических, профессионально-этических условий. От сочетания этого далеко не исчерпывающего перечня параметров зависит успешность и эффективность практик государственного управления, уровень экономического развития страны, а также степень разрешения социальных проблем в обществе. Целью работы будет исследование зарубежных элитологических подходов через призму критериев оценки деятельности государственно-властных элит, тогда как принципы сравнительного (компаративного) подхода [8, с. 27–29] кладутся в основу рабочей методологии.

Для любого исследования важна точность рабочих понятий. По этой причине обозначим, что авторская рабочая терминология будет предполагать категорию государственно-властной элиты. Важно отметить, что известное понятие «политическая элита» означает внутренне сплочённое сообщество лиц, имеющее определённый ресурсный политический потенциал [5]. Категория «политическая элита» отсылает к самым разным группам – избранным депутатам, назначаемым чиновникам из сферы государственного и муниципального управления. Следовательно, выбор термина «государственно-властная элита» вовсе не отвергает это общепринятое политологическое понятие, а преследует задачу уточнить проблемное поле научного анализа, направленного именно на

властную группу, официально связанную с государством, государственной службой, ответственной за управленческие решения, а не с оппозицией и политической контрэлитой. С другой стороны, в академической среде применяется и такая близкая категория как «административно-политическая элита», встречающаяся в трудах представителей отечественной Ростовской элитологической школы, докторов политических наук А.М. Старостина и А.В. Понеделкова [14, с. 86–98]. Но этот термин лучше подходит для изучения элит в рамках структурно-функционального подхода. Настоящее исследование также не игнорирует опыт вышеназванных авторов, но всё же больше ориентировано на учёт целого комплекса методологических решений, связанных с критериями оценки элиты.

Теоретической основой применения избранной терминологии «государственно-властной элиты» являются работы зарубежных и российских политологов: во-первых, это предположение профессора Калифорнийского университета в Санта-Крузе Дж. Домхоффа о сути государства как особой политической корпорации, где признаком элитности выступает принадлежность к этой системе по типу закрытого клуба, часто связанного не только профессиональными, но и родственными узами; во-вторых, это исследования О.В. Гаман-Голутвиной, признающей деление политической элиты на официальные группы (исполнительная и законодательная бюрократия, государственные и муниципальные служащие, непосредственно связанные с властью) и неофициальные группы (лидеры и профессиональные политики, не за-

нимающие посты во властных структурах) [5]; в-третьих, это труды З.З. Шугуновой, отдельно рассмотревшей в своей диссертации проблемы парламентского оформления интересов как государственно-властной элиты, так и политической оппозиции в России [18]. Также в последующих работах автор намерен связывать выявленные критерии оценки деятельности государственно-властной элиты с индексами государственной успешности [19].

Уточнение проблемного поля с уровня политической элиты до уровня государственно-властной элиты также подчинено не просто задаче сравнительного анализа существующих зарубежных элитологических подходов, а именно выявлению критериев оценки эффективности функционирования представителей элит. Такая процедура основывается на авторской гипотезе о том, что междисциплинарный принцип и сравнительный (компаративный) метод помогут: во-первых, обнаружить важнейшие критерии оценки деятельности государственно-властных элит, и, во-вторых, в последующих исследованиях разработать комплекс рекомендаций по повышению эффективности их работы. Очень условно наиболее распространённые элитологические подходы можно разделить на: классовый, цивилизационный, элитистский, качественный, функциональный, институциональный, психологический, сетевой и системный. Постараемся понять их лучше в сравнении.

Соцветие элитологических подходов

Классовый подход анализа элит полностью опирается на марксистское наследие и исходит из существования

политического неравенства, тесно связанного с экономической пропастью между различными социальными группами. Конечно, К. Маркс и Ф. Энгельс не выделяли какой-либо государственно-властной или политической элиты в своих трудах, однако они описывали класс буржуазии, владеющий капиталом и частной собственностью на средства производства и противостоящий в своей политике классу пролетариата. На это указывает в своей монографии и социолог О.В. Крыштановская [10, с. 25–30]. Согласно марксистскому постулату, для достижения социальной справедливости необходимо уничтожить буржуазию как господствующий класс, но это возможно только при условии исчезновения капитала, который, в свою очередь, зиждется на принципе наёмного труда. Последний невозможен без постоянной конкуренции рабочих между собой. Отсюда Маркс предлагает решение, изложенное в «Манифесте Коммунистической партии» [12, с. 8–21], – буржуазию и капиталистический строй можно реально уничтожить только при условии консолидации рабочих в мощный класс, нацеленный на борьбу против института частной собственности.

Казалось бы, какое отношение такой радикальный подход имеет к оценке эффективности элиты? Но, несмотря на отрицание буржуазии как правящей группы (современным языком – элиты), марксисты всё же предполагали господство пролетариата, источником которого, по их мнению, было «движение огромного большинства в интересах огромного большинства» [12, с. 19]. Иными словами, даже прямо не говоря об элите, марксисты видели

в качестве критерия эффективности правящего слоя уровень его социальной ориентации (направленности). Стоит заметить, что классовый подход не исчез, а продолжил развиваться в рамках неомарксизма. К примеру, А. Грамши в «Тюремных тетрадах» предположил, что власть класса держится не только на экономическом и силовом господстве, но и на гегемонии [6, с. 149, 458] в интеллектуальной сфере, достигающейся с помощью поддержки со стороны интеллигенции, разделяющейся на традиционную (прежнюю, сохраняющую историческую память) и органическую (новую, создаваемую классом и всецело от него зависимую). Получается, что неомарксизм заложил основы нескольких критериев деятельности элиты: ценностного (аксиологического) и качественного (интеллектуального).

В итоге классовый подход стал серьёзной провокацией, вызвавший большую дискуссию в научной сфере и среди первых элитологов. Определённым контрастом на его фоне выглядит *цивилизационный* подход. Его яркий представитель О. Шпенглер в книге «Закат Европы» писал, что из-за процесса варваризации и деградации социума только у элиты сохраняется историческая миссия сбережения культурных основ цивилизации. Л.Н. Васильева верно подметила [4], что именно А. Тойнби развил цивилизационный подход, учтя наследие Н.Я. Данилевского, А. Бергсона и О. Шпенглера. Деля все общества на примитивные и цивилизационные, Тойнби видит источник динамичного развития последних именно в творческой активности элиты [15, с. 254–259]. Как видно, несмотря на разительные отличия, цивили-

зационный подход, как и классовый (в редакции Грамши) предполагает аксиологический критерий оценки элиты – ценностный код.

Элитистский подход не стоит путать с элитологическим знанием. Первый означает признание исследователем незыблемости социально-политического неравенства и существования особой правящей группы, тогда как элитологическое знание включает в себя множество подходов, в том числе оппонентов элитизма – представителей марксизма. Одни из первых элитистов (Г. Моска и В. Парэто) [13] критиковали классовую теорию и выдвигали идею о зависимости общественных и экономических отношений от правящего класса и его властных структур. Р. Михельс был не согласен с тем принципом марксизма, согласно которому большинство способно к управлению. Правда, элитисты не были однородной группой, к примеру, Ч. Миллз и Р. Арон предприняли попытку синтезировать классовый и элитистский подходы, найдя в них общее [10, с. 34–36]. Разработки данных авторов дали не только импульс анализу политической стратификации, но и заложили основу для появления новых критериев оценки государственно-властных элит – рассмотрения её уровней консолидации, открытости/закрытости по отношению обществу.

С элитистским тесно связан *качественный* подход к анализу государственно-властных элит. Одно из первых обоснований необходимости профессиональной группы правителей было предложено Платоном в его учении об идеальном государстве. Неслучайно астраханский политолог П.Л. Карабущенко отмечает значимость его

формулы селекции элит и концепции качественного (элитарного) образования [6, с. 70]. Далее Макиавелли расширил понимание профессионального правителя и создал тот портрет, который включает следующие качественные характеристики правителя элиты [11]: образованность, доблесть, выполнение своих обязанностей перед народом, прагматизм, осмотрительность, законотворческая активность. Мощный импульс развитию качественного подхода дали сочинения немецкого учёного М. Вебера, обосновывающего роль статуса и идею «рациональной бюрократии» [10, с. 37–38], отвечающей таким качествам как высококвалифицированный труд, иерархия, система стандартов работы, независимость должностных обязанностей от их исполнителей, профессиональный отбор кадров. Хотя вызвавшая большой энтузиазм в научных кругах теория на деле так и осталась идеалом. Некоторую подпитку качественному подходу дали разработки Дж. Бернхэма, описавшего появление особой менеджерской элиты, сочетающей политические и экономические признаки. Близки к этой идее современные показатели эффективности KPI (Key Performance Indicator) и «формула заслуги» М. Янга (интеллект + достижения = заслуги) для оценки элиты. Правда эти меритократические идеи критикует К. Лэш, называя их пародией на демократию, выкачивающей таланты из низших социальных слоёв [7, с. 77–78]. Итак, качественный подход к анализу работы государственно-властной элиты предлагает нам критерии оценки её профессиональной компетенции, кадровой рекрутации, ротации и селекции.

Функциональный подход к изучению элиты (К. Маннгейм, Т. Парсонс, С. Келлер, Р. Патнем, Ф. Хантер) больше тяготеет к исследованию тех групп, которые принимают важные политические решения. Ряд авторов отделяют функциональный подход от структурной (позиционной) исследовательской стратегии (Р. Миллс, Т. Дай, Х. Зиглер) [1]. Необходимо отметить, что Келлер, заимствуя классификацию Парсонса, пишет о четырёх видах элиты – определяющей цели, выявляющей средства для этих целей, выражающей общественные традиции, конструирующей общую мораль [10, с. 33–34]. Последнее, кстати, очень схожи с традиционной и органической интеллигенцией по Грамши. Обозначенный подход хорошо дополняет качественный и помогает выявить другие критерии оценки работы элиты – количественный уровень, а также уровень функционального разделения (отсутствия/наличия дублирования функций и обязанностей).

З. Фрейда, Э. Фромма и Б. Скиннера можно отнести к представителям *психологического* подхода в изучении государственно-властной элиты. Первый полагал, что элитная группа возникает по причине существования феномена эмоций. Также Фрейд пытался показать, что элита выстраивает свою власть в обществе, используя так называемый «эффект тоски по отцу» – потребность простых людей в авторитете. Внёсший в существенный вклад в направление бихевиоризма Скиннер имеет довольно специфический взгляд на проблему элиты, предлагая создание общества посредством «поведенческой инженерии» [3, с. 132–140]. Вместо философов-правителей Пла-

тона он возлагает большие надежды на неких «психологов-правителей». По его мнению, программируя жизнь индивидов, можно искоренить антисоциальные действия. Обозначенный подход не лишён своих недостатков, так как он часто игнорирует роль социально-культурных и других факторов существования элиты. Тем не менее психологические наработки обеспечивают понимание такого критерия оценки деятельности государственно-властной элиты, как её имидж и отношение к нему общественности.

Г. Лассуэл, придерживаясь *институционального* подхода, в некотором плане развил психологическое направление в элитологических исследованиях. Выведя правило зависимости стремления человека к благам через институты посредством ресурсов, он не только выделил восемь благ и институций (власть, наука, бизнес, семья, здравоохранение и т. п.), но и определил соответствующие им элиты, обладающие этими самыми благами [2, с. 167]. Определяя элиту довольно широко, Лассуэл всё же исключает из неё политическую оппозицию. Итогом институционального анализа элиты по Лассуэлу должна являться «концептуальная карта», отражающая, какие сообщества представляют элиты и продуктами каких групп и классов они являются. Такого рода подход вполне объясняет роль ещё одного важного критерия оценки работы государственно-властной элиты – уровня её ресурсного обеспечения и уровня затрат общества на саму элиту.

С идеями Лассуэла немного пересекается *сетевой* подход (М. Кастельс, Дж. Урри). Так, Кастельс выдвинул гипотезу сетевого общества, которая

по-своему объясняет природу элитных групп [9, с. 386–387]. Учёный пишет, что чем более демократичными становятся институты (благодаря интернет-коммуникациям, глобализации, цифровой эпохе), тем более четче элиты вынуждены отдаляться от масс, ограждая себя от серьёзного проникновения представителей гражданского общества в закрытый сегмент формирования и принятия политических решений. Элиты приспосабливаются к новым сетевым условиям и превращаются в замкнутые узлы на магистралях основных информационных потоков. Британский учёный Урри же заявил, что современная социологическая наука должна изучать не общества, а мобильности [16, с. 368–369]. Урри развивает идеи Кастельса и отмечает появление признаков «кинетической элиты» – группы, своей высокой мобильностью напоминающей неких новых кочевников». Сетевой подход приоткрывает завесу над проблемой такого критерия оценки государственно-властной элиты как её идентичность, сетевая готовность и медийная активность.

Известен также *системный* подход к анализу элиты (Г. Саймон, Р. Лайкерт, Н. Луман). В своих работах Саймон презентовал модель организации, где работа должна мотивироваться стремлением привнести личный вклад в эффективность общего дела. Это, по его мнению, сводит роль применения авторитета лишь к корректировке управленческого процесса. Он также выявил взаимосвязь между числом прямых подчинённых и количеством различных уровней управления (чем больше управленческих уровней, тем меньше должен быть диапазон контро-

ля). Лайкерт предложил концепт стилей управления, определив, что ориентированный на подчинённых лидер будет стремиться им же делегировать свои полномочия и создавать комфортные условия для выполнения задач [17]. Луман же, в работе «Власть», пытался доказать, что любая система (в том числе и элита) способна формировать и воспроизводить себя и собственные части. Названные концепты позволяют понять значение довольно специфических критериев оценки деятельности государственно-властной элиты («уровень доверия», «характер подчинённости», «модель коммуникации»).

* * *

Из сравнительного анализа зарубежных элитологических подходов становится ясно, что теоретические наработки их ведущих представителей помогают выявить конкретные критерии оценки деятельности государственно-властной элиты. Широкий диапазон обнаруженных критериев показал всю сложность данного проблемного поля. Компаративный метод позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, существующие подходы к исследованию

элиты нацелены на глубокое изучение какой-либо одной черты, стороны этого явления. Но, во-вторых, многие элитологические подходы не противоречат, а органично дополняют друг друга. Подобная ситуация имеет в своей основе несколько причин. Например, ряд подходов тесно связаны с предыдущими через своих представителей, которые практиковали междисциплинарный подход (как сторонник институционального направления, Лассуэл развивал некоторые положения психологического подхода, качественный подход использует достижения элитистов, тогда как сетевые исследования того же Кастельса в некотором отношении пересекаются с идеями Лассуэла). Другая группа подходов возникла в ходе критики предыдущих элитологических теорий (например, элитизм во многом возник как реакция на марксистское учение). Следовательно, в-третьих, логичен следующий вывод – использование концептуального наследия разных элитологических подходов не противоречит составлению на их основе единого перечня критериев оценки деятельности государственно-властных элит.

Итак, какие же это критерии? Сведём их в одну таблицу.

Таблица

**Критерии оценки деятельности государственно-властной элиты
на основе базовых подходов**

Критерии оценки элиты	Элитологические подходы							
	классовый	цивилизационный	элитистский	качественный	функциональный	психологический	институциональный	сетевой
социальная ориентация								
ценностный код, идентичность								
открытость/закрытость по отношению к обществу								
селекция, рекрутация, ротация кадров								
количество и уровень элитной консолидации								
ресурсное обеспечение и затраты общества на элиту								
профессиональная компетенция								
разделение функций и обязанностей								
имиджевый портрет								
отношение общественности								
медийная активность и сетевая готовность								
модель коммуникации								

Из таблицы видно, что больше всего концептуальной основы для определения критериев оценки деятельности государственно-властной элиты дают несколько сложившихся подходов в элитологии: системный,

классовый и качественный (см. Таблицу). Объем статьи не позволяет более подробно раскрыть характер выявленных критериев. Но автор намерен это сделать в других своих научных работах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А.В., Рыбина М.В. К вопросу о методиках выявления политической элиты современной России // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. 2012. Т. 3. № 2(14). С. 135–138.
2. Алюшин А.Л. Гарольд Лассуэлл о природе политической реальности // Полис. Политические исследования. 2006. № 5. С. 158–170.
3. Ашин Г.К. Курс истории элитологии. М.: МГИМО. 2003. 302 с.
4. Васильева Л.Н. Элитологическая онтология. М.: Социум. 2014. 372с.
5. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (I) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19.

6. Грамши А. Избранные произведения. Т.3: Тюремные тетради. М.: Изд. ин. литературы. 1959. 369 с.
7. Демократия. Власть. Элиты: Демократия vs элитократия / Под ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН. 2010. 215 с.
8. Егоров В.Г., Абрамов А.В., Федорченко С.Н. Сравнительная политология постсоветского пространства. М.: КНОРУС. 2015. 412 с.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000. 609 с.
10. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров. 2005. 384 с.
11. Макиавелли Н. Государь. СПб.: Азбука-классика. 2008. 272 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.: Гос. изд. политической литературы. 1953. 636 с.
13. Парето В. Трансформация демократии. М.: Территория будущего. 2011. 207 с.
14. Понедельков А.В., Старостин А.М. Региональные административно-политические элиты России: прошлое, настоящее, будущее // Полис. Политические исследования. 2008. № 6. С. 86–98.
15. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М.: Прогресс. 1991. 737 с.
16. Урри Дж. Мобильности. М.: Практикс. 2012. 576 с.
17. Федорченко С.Н. Современные технологии политического менеджмента. М.: ИНФРА-М. 2016. 200 с.
18. Шугунова З.З. Политическая динамика современных российских парламентских партий: дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2004. 141 с.
19. Якунин В.И., Сулашкин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: Научный эксперт. 2012. 496 с.

REFERENCES

1. Abramov A.V., Rybina M.V. [To the question of methods of revealing of the political elite of modern Russia] In: *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI*, 2012, vol. 3, no. 2 (14), pp. 135–138.
2. Alyushin A.L. [Harold Lasswell about the nature of political reality] In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, no. 5, pp. 158–170.
3. Ashin G.K. Kurs istorii elitologii [A course in the history of elitology]. Moscow, MGIMO Publ., 2003. 302 p.
4. Vasil'eva L.N. Elitologicheskaya ontologiya [Elitological ontology]. Moscow, Sotsium Publ., 2014. 372 p.
5. Gaman-Golutvina O.V. [Regional elites of Russia: composition and evolutionary trends (I)] In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2004, no. 2, pp. 6–19.
6. Gramshi A. Izbrannye proizvedeniya. T. 3: Tyuremnye tetradi. [Selected works. Vol. 3: Prison notebooks]. Moscow, Izd-vo inostrannoi lit., 1959. 369 p.
7. Demokratiya. Vlast'. Elity: Demokratiya vs elitokratiya [Democracy. Authority. Elites: Democracy vs elitocracy]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 215 p.
8. Egorov V.G., Abramov A.V., Fedorchenko S.N. Sravnitel'naya politologiya postsovetского prostranstva [Comparative politics of the post-Soviet space]. Moscow, KNORUS Publ., 2015. 412 p.
9. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The information age: economy, society and culture]. Moscow, GU VSHE Publ., 2000. 609 p.
10. Kryshstanovskaya O. Anatomiya rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian elite]. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 384 p.

11. Makiavelli N. Gosudar' [The sovereign]. SPb., Azbuka-klassika Publ., 2008. 272 p.
12. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh. T. 1. [Selected works in two volumes. Vol.1]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1953. 636 p.
13. Pareto V. Transformatsiya demokratii [The transformation of democracy]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2011. 207 p.
14. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. [Regional administrative-political elites of Russia: past, present, future] In: *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2008, no. 6, pp. 86–98.
15. Toinbi A.Dzh. Postizhenie istorii [A study of history]. Moscow, Progress Publ., 1991. 737 p.
16. Urri Dzh. Mobil'nosti [Mobilities]. Moscow, Praksis Publ., 2012. 576 p.
17. Fedorchenko S.N. Sovremennye tekhnologii politicheskogo menedzhmenta [Modern technologies of political management]. Moscow, INFRA-M Publ., 2016. 200 p.
18. Shugunova Z.Z. Politicheskaya dinamika sovremennykh rossiiskikh parlamentskikh partii: dis. ... kand. polit. nauk [The political dynamics of contemporary Russian parliamentary parties: Thesis ... PhD. of Polit. Sciences]. Rostov n/D, 2004. 141 p.
19. Yakunin V.I., Sulakshin S.S., Bagdasaryan V.E., Orlov I.B., Stroganova S.M. Kachestvo i uspehnost' gosudarstvennykh politik i upravleniya [The quality and success of public policies and management]. Moscow, Nauchnyi ekspert Publ., 2012. 496 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Подвигин Евгений Александрович – соискатель кафедры государственной политики МГУ им. М.В. Ломоносова;
e-mail: podvigin-e@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Podvigin – competitor for an academic degree of the Department of State Policy, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: podvigin-e@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Подвигин Е.А. Сравнительный анализ зарубежных элитологических подходов: проблема критериев оценки деятельности государственно-властных элит // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 1. С. 81–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-81-90

FOR CITATION

E. Podvigin. Comparative Analysis of Foreign Elitological Approaches: The Problem of Evaluation Criteria State-Power Elite. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2018, no 1, pp. 81–90.
DOI: 10.18384/2310-676X-2018-1-81-90